

Алексей Романов

Почему социолог не гуманитарий

Реплика на статью Александра Бикбова о русской культуре в Латвии

Отношение социолога и гуманитария к культуре разное. Если для социолога культура — только одна из социальных функций (социальное производство) наряду с экономикой, политикой или юриспруденцией, то культурой можно управлять, ее можно использовать в своих политических целях и партийных интересах. О партийности искусства и прочей культуры мы знаем со времен истмата и истории КПСС. Об ангажированности культуры и искусства нам известно от франкфуртских фрейд-марксистов и «новых левых» 60-х. И никакой гуманитарий таких позиций не приемлет. Потому что он прежде всего и есть человек культуры, которым пытаются управлять экономисты, использовать политики и производить рекламщики-журналисты. Однако почему такое невозможно?

Тут дело в том, как понимать культуру и в каком отношении она находится к социальности. Гуманитарий занят исследованием не функционирования социальности, не его эмпирией, а ставит вопрос о природе, о сущности вообще социального, а не только вот этого эмпирического общественного устройства, вопрос о том, на чем держаться социальные отношения, как они формируются не столько по отношению к друг другу, а как их можно понимать, учитывая антропологическую природу социального, то есть природу мышления. Для социолога общественные отношения и их институты зависят друг от друга и только, сколь бы ни были сложны эти взаимоотношения. Причины, что была бы в основании *всех* этих отношений и общества в целом, они не ищут. Почему? Потому что эта причина, эти общественные отношения порождающая, сама-то находится *вне* этих отношений и потому неизбежно ускользает от внимания социологии. Вот для гуманитария культура и есть то, что говорит о существовании такой причины, и сама культура есть не что иное, как мышление об этой причине и ее исследование в различных формах.

Культура учит думать о социальности и общественном устройстве как об организме, который сам порождает и свои меняющиеся формы, и отношение к ним со стороны своих носителей-людей, то есть так называемое обществен-

ное сознание. Но как можно думать о причинах социальных устройств и переустройств, если гуманитарий сам есть часть такой социальности? То есть природа общества есть в то же время и природа человека. Только изучая причину чего бы то ни было как причину и своего мышления, человек становится гуманитарием, а культура возникает как способ мышления такого «гуманитарного» рода. В кавычках потому, что другого мышления собственно и не бывает.

Теперь перейдем к статье Александра Бикбова и его социологическим впечатлениям о русской культуре в Латвии. Для чего нужна в обществе культура? Для свободного публичного и критического суждения о власти, о политике. А для чего нужно это критическое суждение о власти? И вот тут-то социология в лице А. Бикбова (вероятно, не только в лице А. Бикбова) нам предлагает считать культуру политическим актом в политической же борьбе, аргументируя такой подход тем, что нынче дескать культура не та и именно «В последние годы все больше и больше производство культуры оказывается связано с политическим производством, с производством политических смыслов, политических позиций». Но не будем разбирать это культурологическое откровение, рассчитанное, видимо, на читателей газетных новостей. Заметим следующее: когда, скажем, интеллигент критикует власть («официальные доктрины всегда тяготеют к лицемерию») и высказывает публичное политическое суждение, он намерен изменить «привычный расклад политических сил» в сторону как ему кажется лучшим и «предлагает знание о том, как на самом деле устроен мир». Однако разве тогда в первом случае интеллигент не перестает быть интеллигентом, а как политик включается в борьбу за власть, а во втором случае не становится очередным официальным идеологом? Культура при таком понимании есть именно средство политической борьбы, а гуманитарий ничем не отличается от политика. Такие превращения были прекрасно известны уже древним грекам еще до последних «социологических новостей» и самого слова «интеллигент». Желание А. Бикбова не различать интеллигента от интеллектуала понятно, но

наивно. Определение сути интеллигента никак не поддается социологической, в том числе и политической прагматике. Другое дело ангажированный интеллект. Однако язык сам подсказывает, что правильно, и когда Бикбов говорит о российских националистах-почвенниках, он называет их ультраправыми интеллектуальными экстремистами.

Поскольку природа любого социального действия или явления всегда скрыта и умопостижима, а способный что-то умопостигать политик вещь во все времена почти что невозможная, то слой думающих в обществе и тоже во все времена был более менее определен социально и профессионально. Вероятно, единственное, что объединяет людей этого слоя, это понимание того, что культуру нельзя использовать и ею управлять, так же точно как нельзя управлять собственным мышлением, которое всегда о сути вещей и говорит о том, как мы в своих действиях должны с этой сутью всегда соотносываться. Однако противу такого элементарного положения А. Бикбов (и социологи) настаивает именно на понимании культуры как способа критического отношения к власти с целью объединения для борьбы с этой властью, прибегая при этом к трогательному тезису о том, «что социальная связь и некоторая коллективная реальность конституируется культурой». Именно следствием такого бездумного положения является и утверждение социолога о том, что «русская культура, ее поддержание являются сегодня в Латвии наиболее легитимной формой политической борьбы». Вполне нам знакомая позиция заказного газетчика, а не ученого социолога школы Бурдье. «Вопрос о русской культуре становится, таким образом, еще одной (если не основной) возможностью для политической кооперации людей, живущих в Латвии в положении меньшинства». Вот что такое русская культура, оказывается. Это культура национальная.

Социолог явно не смущен и не видит в таком обывательском словоупотреблении, как «национальная культура», никаких сложностей и подводных. То есть для социолога если есть нация, то есть и культура этой нации, культура эту нацию объединяет для борьбы с другой нацией — согласимся, что объединение предполагает отделение, особливость от чего-то чуждого. И нация, в нашем случае русское меньшинство в Латвии, ставит вопрос о сохранении русской культуры как средства политической борьбы и высказывает «политическое публичное суждение».

Однако если культуру понимать по-гуманитарному, то есть как мышление, а мышление

не как средство для единомыслия, а как исследование сути происходящего, у нас выходит полный социологический конфуз, а выражение «национальная культура» оказывается не более как идеологическим и этно-патриотическим штампом, по существу просто оксюморном. Не будем на этом долго останавливаться, ограничимся аналогией. Глубина любой «национальной» культуры и если культура — это мышление, означает диалог этого мышления с другим мышлением и культурой. Иначе как в таком диалоге никакой культуры в гуманитарном понимании вообще быть не может. Потому что без выяснения, как об этом же думает другой, суть вещи не откроется. Когда мы говорим, что Достоевский национальный русский писатель и потом выходит, что его влияние на культуру Западной Европы, США и даже Японии было куда большим, чем в Советской России с ее официальным марксистским литературоведением, то как тут быть с национальностью? Чтобы не множить примеров, вспомним парадокс А.А. Потебни о том, что образованный своей нации будет гораздо ближе образованному другой, нежели своему же «национальному» простолюдину, для которого он окажется чем-то вроде еретика-отступника.

Тут интересна сама причинная зависимость, о которой мы говорили выше. Нация как единица политическая обязана своим существованием именно культуре, в частности, способу мышления романтическому, в XIX веке имевшему место прежде всего в Германии. Тогда же нация стала и идеологическим понятием. Существует ли до сего дня какой-нибудь иной принцип государственного единства, кроме национального? Или какая-нибудь не национальная идеология? Я не знаю, я не социолог. А социологу тем более непростительно не знать, что национальное единство «придумали» идеологи-политики для своих же политических целей, а вовсе не для исследования природы общественного устройства или из-за трепета перед «национальной культурой». Ведь одно дело, когда политическая нация есть социальный продукт, условно говоря, мыслительной работы интеллигента и совсем другое, когда никакого интеллигента нет, а есть только «сохранение национальной культуры» в политических целях.

Опять же из социологического понимания (непонимания) культуры происходит и следующее умозаключение А. Бикбова о сути нынешней «русской национальной» борьбы в Латвии. Оказывается, нынешнее отношение к русской культуре как к средству политической борьбы за единство нации «становится зеркаль-

ным отражением ситуации, в которой бывшие балтийские республики приобретали независимость: национальная культура служила основным инструментом политического сплочения и действия». Вот и спрашивается, чего стоит ваша социологическая эмпирия? То же самое утверждают или так же себя ведут и наши борцы-политики, о которых А. Бикбов «эмпирически» совсем не знает. Однако попадает в точку. Потому что думает одинаково. Здесь мы тоже за недостатком места и времени ограничимся только сравнением. Да, «поющую» революцию в Латвии делала национальная интеллигенция. Почему именно интеллигенция? А потому, что простолюдин к своей культуре не стоек и быстрее ассимилируется, а чиновник больше думает о своей карьере. Конечно, это не отменяет того, что новая власть оказывается уже идеологически и только чиновно-национальной, потому как, повторяем, политик не может оставаться интеллигентом и человеком культуры. А вы спросите у литератора, композитора или гуманитария-ученого, кто из них хочет остаться только национальным? Это бы означало для них культурную смерть, учитывая еще и численность самих латышей.

Наконец, самое эффектное попадание в небо — это социологическое различие между борцами за русскость, идентичность и национальную культуру у нас и в России. С Россией понятно. «Сами разговоры о русскости в России, как правило, на интеллигентных людей производят довольно тяжелое впечатление». Для Латвии же все как-будто выглядит иначе, и тот, кто «организует русские семинары здесь, в Риге», вряд ли подаст «руку тем, кто активно продви-

гает русскость, русские темы, русские вопросы и так далее в терминах расовой теории в России». Заменяем только «расовую теорию» на более привычную «национальную теорию» культуры. Таким образом у нас уже получается две русскости и две национальные русские культуры. Про первую, этнографически-патриотическую и про ее использование в политической борьбе, нам известно тут у себя достаточно и никакого принципиального отличия от русскости в России здесь усмотреть, кажись, невозможно. Для сомневающихся рекомендую ознакомиться с периодическим изданием «Балтийский мир». Что же до второй «национальной русской культуры», то А. Бикбов, оказывается, говорит о SEMINARIUM HORTUS HUMANITATIS. Вот что он говорит: «вы на самом деле приглашаете участвовать в семинаре четко видимую фракцию интернационально ориентированных интеллектуальных производителей, которые не связывают себя внутри России с этим консервативным определением русскости, а которые, напротив, выходят на международный уровень дискуссии, рефлексии и, собственно говоря, демонстрируют принадлежность русской культуры к мировому международному пространству культуры». Приятно такое слышать, тем более что это правда. О какой же русскости и национальной идентичности может идти речь во втором смысле, если «реальная дифференциация культурных, интеллектуальных позиций, в том числе профессиональных строится на совсем иных основаниях»? То есть на каких же?, — спросим А. Бикбова. Да на гуманитарных, с удовольствием за него ответим, если социология не возражает.